

Профессоръ Петроградскаго Университета

А. И. ВВЕДЕНСКІЙ

ПСИХОЛОГІЯ

БЕЗЪ ВСЯКОЙ МЕТАФИЗИКИ.

Издание третье, вновь исправленное и дополненное.

Съ 30 рисунками.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.

1917.

4743

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 17 октября 1916 г.

Что нового въ этой книгѣ?

Въ предисловіи къ первому изданію, вышедшему въ іюнѣ 1914 г., я упомянулъ, что въ этой книгѣ много нового по существу. Но, какъ мнѣ справедливо указали, я упустилъ изъ виду, что для читателя, имѣющаго мало свободнаго времени, особенно же для рецензентовъ книги, очень удобно, если я самъ отмѣчу, гдѣ искать это новое. Оставляя въ сторонѣ разныя мелочи, укажу прежде всего на главы 21—24, т.-е. на психологію умозаключеній. Ее всю пришлось мнѣ разработать самому, какъ если бы ея вовсе не было въ научной литературѣ. Еще чуть ли не въ студенческіе годы я поражался тѣмъ, что никогда не подмѣчаю въ себѣ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя описываются разными авторами подъ именемъ процессовъ умозаключенія. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ описать подъ этимъ именемъ только тѣ переживанія, которыя я самъ подмѣчу въ себѣ, какъ бы сильно ни отличалось чрезъ это мое описание отъ всѣхъ другихъ авторовъ. А его отличія доходятъ вотъ до чего: по описанію другихъ авторовъ въ переживаніи умозаключеній не встрѣчается никакого творчества, и это переживаніе бываетъ только умышленнымъ; по моимъ же самонаблюденіямъ переживаніе каждого силлогизма оказывается творческимъ процессомъ, и очень часто оно происходитъ безъ всякаго умысла съ нашей стороны. Но такъ какъ я ограничиваюсь только основными чертами упомянутыхъ процессовъ, то не думаю, чтобы я могъ въ своемъ описаніи ошибочно принять чисто индивидуальная особенности моего мышленія за общечеловѣческія черты. Въ связи же съ самостоятельнымъ изученіемъ переживанія умозаключеній мнѣ кинулось въ глаза, что существуютъ не только ассоціаціи представлений, но еще ассоціаціи сужденій, какъ особая причина смѣны мыслей, дѣйствующая рядомъ съ ассоціаціями представлений. И это показаніе самонаблюденія подтвердили мнѣ всѣ мои преподавательскія наблюденія надъ учащимися. Такимъ путемъ появилась 20 глава объ ассоціаціяхъ сужденій, невстрѣчающаяся у другихъ психологовъ и объясняющая весь механизмъ часто наблюдавшаго усвоенія знанія безъ пониманія. Къ вполнѣ новому относится моя оцѣнка значенія экспериментированія для чистой психологіи

(глава 4) и одинъ изъ тѣхъ приемовъ, именно—изложенный подъ именемъ философскаго на стр. 76—77, съ помощью которыхъ я доказываю мой законъ одушевленности. Кстати: нѣкоторые критики двухъ первыхъ изданій недоумѣвали, зачѣмъ я помѣстилъ здѣсь этотъ законъ. Онъ-де скорѣе относится къ гносеологии, а не психологіи. Это вѣрно, но безъ его помощи я не могъ бы дать вполнѣ новое освѣщеніе вопроса о прирожденныхъ мысляхъ, изложенное на стр. 184—186. Не могу назвать вполнѣ новыми ни своей теоріи чистой мысли, ни математической теоріи волевыхъ явлений: по-моему, первую можно вышелушить изъ метафизическихъ построеній Аристотеля, а вторую изъ метафизики Шопенгауера. Но у меня впервые онъ очищены отъ всякихъ метафизическихъ примѣсей и послѣдовательно проведены, какъ чисто-психологическія теоріи состава мыслей (главы 15—17) и волевыхъ явлений (главы 27—30). Наконецъ, въ устахъ русскаго психолога, пожалуй, звучить чѣмъ-то новымъ та настойчивость, съ которой я предупреждаю въ разныхъ мѣстахъ книги (напр., на стр. 12, 46—48, 186, 188, 213), чтобы не преувеличивали важности современной психологіи для педагога. По моему, къ русскимъ учителямъ вполнѣ примѣнимы слова Джемса (приведенные на стр. 336), сказанныя имъ про американскихъ учителей, что надъ ними тяготѣть какой-то рокъ—подвергаться мистификаціямъ относительно размѣровъ этой важности, и необходимо бороться съ такими мистификаціями.

Послѣднее замѣченіе выскажу не для указанія чего нибудь новаго, а для предупрежденія противъ одного возможнаго недоразумѣнія. Читатель, слыхавшій о моихъ взглядахъ на метафизику, сильно ошибется, если подумаетъ, будто бы въ своемъ изложеніи я опираюсь на отрицаніе возможности всякаго метафизическаго знанія. Напротивъ, здѣсь я такъ веду дѣло, какъ если бы вопросъ объ осуществимости этого знанія оставался въ моихъ глазахъ еще нерѣшеннымъ, но по причинѣ, указанной на стр. 11, предпочитаю до его окончательного решенія ограничиваться психологіей безъ всякой примѣси метафизики. Такой способъ изложенія дѣлаетъ послѣднее одинаково приемлемымъ, какъ для допускающихъ, такъ и для отрицающихъ возможность метафизическаго знанія.

Александръ Введенскій.

Петроградъ.
1 октября 1916 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Что новаго въ этой книгѣ?	III
1. Предметъ, задачи и значеніе современной психологіи.	1
2. Методы психологіи: самонаблюденіе и такъ называемое объективное наблюденіе душевныхъ явлений.	14
3. Методы психологіи: экспериментъ и его преимущества предъ наблюденіемъ; экспериментированіе въ психологіи	22
4. Современное значеніе психологического экспериментированія. Необходимость противопоставлять не экспериментальную психологію наблюдательной, но измѣрительную неизмѣрительной. Неизбѣжность для экспериментированія всегда имѣть только второстепенное значеніе въ чистой психологіи	42
5. Необходимѣйшія физіологическая свѣдѣнія.	59
6. Психофизіологический законъ А. И. Введенскаго	71
7. Классификація душевныхъ явлений и направленія психологіи въ вопросѣ о составѣ душевой жизни	82
8. Сознаніе. Воспріятія и ощущенія. Наивный реализмъ. Зависимость воспріятій отъ мыслей. Иллюзіи и галлюцинаціи	89
9. Простота ощущеній. Ихъ физіологическая и качественная сторона	97
10. Количественная сторона ощущеній. Законы пороговъ, высшихъ точекъ, Вебера и Фехнера	107
11. Субъективность всего состава воспріятій. Идеализмъ и философскій реализмъ съ ихъ видоизмѣненіями.	119

12. Законъ объектированія воспріятій и его объясненія	131
13. Душевные способности и мыслительные акты. Разумъ, разсудокъ, умъ, мышленіе, память и воображеніе	135
14. Главная задачи психологіи мыслей. Классификація мыслей вообще и классификація представлений	145
15. Составъ единичныхъ представлений и индивидуальная особенности въ ихъ переживаніи. Общій законъ состава единичныхъ представлений и объясненіе имъ состава сновидѣній, непредставимости своей полной смерти и ранняго возникновенія вѣры въ безсмертіе.	148
16. Составъ общихъ представлений: концептуализмъ, номинализмъ и теорія чистой мысли. Участіе чистой мысли въ единичныхъ представленіяхъ. Индивидуальная особенности въ переживаніи общихъ представлений.	161
17. Составъ понятій и сужденій и индивидуальная особенности въ ихъ переживаніи. Вопросъ о прирожденныхъ мысляхъ.	174
18. Смѣна мыслей: ассоціаціи представлений; вопросъ о сведеніи ихъ къ ассоціаціи смежности, а послѣдней къ ассоціаціи близости	187
19. Смѣна мыслей: количественные законы воспроизведенія представлений	198
20. Смѣна мыслей: ассоціаціи сужденій; значеніе ассоціаціи сужденій для знанія; знаніе безъ пониманія	207
21. Смѣна мыслей: умозаключенія; разница между логической и психологической точкой зрењія на нихъ; основные задачи и современное положеніе психологіи умозаключеній	214
22. Смѣна мыслей: процессы отличенія правильныхъ умозаключеній отъ ошибочныхъ; процессы возникновенія выводовъ въ умозаключеніяхъ, пригодныхъ для доказательствъ; психологическая сторона обоихъ видовъ логической связи; творчество мышленія и цѣлесообразность душевной организаціи человѣка	221
23. Смѣна мыслей: процессы возникновенія неполной индукціи и заключеній по аналогіи	239

24. Смѣна мыслей: интуитивное мышленіе; его отличія отъ дискурсивнаго; условія его удачности; терминъ „интуиція“ въ психологіи и въ интуитивизмѣ; психологическая однородность интуитивнаго мышленія съ дискурсивнымъ.	244
25. Смѣна мыслей: узнаваніе воспроизведеныхъ представлений и внѣшнихъ предметовъ, какъ знакомыхъ.	254
26. Смѣна мыслей: забвеніе; абсолютное и относительное забвеніе; объяснимость всякаго забвенія законами воспроизведенія мыслей; забывчивость новорожденныхъ дѣтей	264
27. Волевые явленія: рефлексивныя, инстинктивныя и импульсивныя движенія; специфическій волевой элементъ; составъ желаній и хотѣній; волюнтарная, гедоническая и патематическая теорія волевыхъ явленій.	273
28. Волевые явленія: простой и сложный внѣшний волевой актъ; чувство усилия; мотивы; творческое „fiat“ или „да будетъ“	287
29. Волевые явленія: стремленія; влечения; волевая активность; нравственный долгъ и специфическій волевой элементъ	297
30. Волевые явленія: внутреннія волевые явленія; внимание; апперцепція	305
31. Чувства: эмоціи; аффекты; современное положеніе психологіи чувствъ; теорія Джемса-Ланге; теорія Вундта	314

Приложение.

I. Вундтъ о связи психологіи съ философіей и о неразработанности современной психологіи. Неумѣстность психологіи въ гимназіяхъ.	333
II. Психологія и обученіе—Джемса.	335
III. Психологія и педагогика—Мюнстерберга.	340

IV. Психологический институтъ имени Л. Г. Шукиной	346
V. Приборы А. И. Введенского для быстрого демонстри- рованія опытовъ съ реакціями	350
Указатель	355
Рисунки (12 таблицъ).	

Психологія безъ всякой метафизики.

1. Предметъ, задачи и значение современной психологіи.

У подавляющаго большинства представителей современной психологіи можно подмѣтить, что ея предметъ и задачи не соответствуютъ ея названію. Слово „психологія“ въ переводѣ съ греческаго означаетъ ученіе о душѣ. Прежде, съ того самаго времени, какъ возникла психологія, вплоть до второй половины XIX в., она дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы быть ученіемъ, либо утверждающимъ, либо отрицающимъ существованіе души. Она, конечно, изучала и душевныя явленія (ощущенія, воспоминанія, образы фантазіи, разныя другія мысли, хотѣнія, страсти, чувства и т. п., словомъ—явленія, которыя отличаются тѣмъ, что они сознаются нами во время ихъ переживанія), но не столько ради нихъ самихъ, сколько въ видѣ средства для разрѣшенія вопроса о душѣ. Ея задачи были таковы: решить, есть ли душа или нѣтъ и, если есть, какова она по своей природѣ, и уже исходя изъ этого рѣшенія объяснить весь міръ душевныхъ явленій и ихъ отношенія къ тѣлеснымъ.

Въ виду такихъ задачъ старая психологія постоянно служила ареной для безплодной борьбы матеріализма съ спиритуализмомъ и съ психофизическими монизмомъ. Но нужно еще объяснить, въ чёмъ состоять эти ученія.

Матеріализмъ называется отрицаніе самостоятельности духовного начала, т.-е. существованія души, вслѣдствіе чего матеріализмъ утверждаетъ, что все душевныя явленія—продукты одной только матеріи, именно—матеріи, организованной въ видѣ головного мозга. Онъ подтверждаетъ себя указаніемъ на связь душевныхъ явленій съ материальными, на то, что возникновеніе первыхъ зависитъ отъ возникновенія вторыхъ, при чёмъ эту зависимость онъ истолковываетъ, какъ причинную. Этимъ-то истолкованіемъ матеріализмъ и объясняетъ тотъ фактъ, что всякое душевное явленіе оказывается въ связи съ материальнымъ. Но какъ объяснить случаи обратной зависимости—тѣлесныхъ явленій отъ душевныхъ, напр., когда хотѣніе рождаетъ движеніе? Матеріализмъ считаетъ зависимость материальныхъ явле-

ний отъ душевныхъ всего только кажущейся: одинъ и тотъ же мозговой процессъ порождаетъ одновременно и хотѣніе, и движение. Но такъ какъ мы сознаемъ лишь хотѣніе и движение, а того мозгового процесса, который порождаетъ и то, и другое, не сознаемъ, то намъ и кажется, будто бы хотѣніе—причина движенія. Точно такъ же и такие случаи, какъ исцѣленіе вѣрой, легко, по мнѣнию материалистовъ, объяснить тѣмъ, что вѣра порождается опредѣленными мозговыми процессами; они-то и вызываютъ тѣлесное исцѣленіе, а не само психическое состояніе, называемое вѣрой.

Спиритуализмъ называется ученіе, допускающее существование самостоятельного, несводимаго на материальное, духовного начала, т.-е. существование духовныхъ сущностей. Употребляя это слово, надо не упускать изъ виду, что есть ученіе ненаучнаго характера, называемое спиритизмомъ. Такъ какъ оно не пользуется успѣхомъ, а спиритуализмъ находитъ всегда множество поклонниковъ, то спириты, чтобы какъ-нибудь помочь спиритизму, стали въ послѣднее время и его называть спиритуализмъ, на что они, конечно, не имѣютъ никакого права. Вѣдь терминъ „спиритуализмъ“ давно уже пріобрѣлъ исторически установленнѣе значеніе, никакъ не совпадающее съ спиритизмомъ.

Спиритуализмъ встрѣчается въ философіи въ трехъ видоизмѣненіяхъ, именно: въ видѣ 1—дуализма, 2—пансихизма и 3—идеализма.

1—*Дуализмъ, иначе—дуалистический спиритуализмъ*, учитъ, что духовныя сущности существуютъ на-ряду съ материальными, и что человѣкъ состоитъ изъ двухъ сущностей: матеріи и души. Дуализмъ для своего оправданія ссылается на фактъ разнородности душевныхъ явлений съ материальными. Напримеръ, никто не усомнится, что мысль о столѣ и самый столъ или другое материальное явленіе—вещи совершенно разнородныя. Отсюда дуализмъ заключаетъ, что душевные явленія непремѣнно должны порождаться такою сущностью, которая совершенно не похожа на матерію, и которая для отличія отъ матеріи должна называться душой. Но такъ какъ душа находится въ связи съ тѣломъ, то и всякое душевное явленіе должно возникать не иначе, какъ въ связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣлеснымъ явленіемъ. Такова суть дуалистического направленія въ психологіи. Къ этому надо добавить, что *нѣкоторые* дуалисты полагаютъ, что душа служить организующимъ тѣло началомъ: она такъ его организуетъ, чтобы оно служило ей орудіемъ или органомъ для ея дѣйствій на вѣшній міръ.

2—*Пансихизмъ* учитъ, что существуютъ только духовныя сущности, а материальныхъ нѣть, именно: въ основѣ каждой вѣшней вещи, каждого тѣла лежитъ комплексъ духовныхъ сущностей, который только кажется материальнымъ нашимъ вѣшнимъ чувствамъ. Поэтому намъ только кажется, будто бы весь міръ распадается на двѣ стороны—материальную и духовную; на самомъ же дѣлѣ этого въ дѣйствительности нѣть. И такъ какъ этотъ взглядъ утверждаетъ, что повсюду разлита духовная жизнь, то онъ и называется пансихизмомъ, т.-е. ученіемъ о повсюдной духовности, о *вседушії*.

3—*Идеализмъ* утверждаетъ существованіе только душъ, а вѣшній міръ,

по ученію идеалистовъ, не состоить ни изъ материальныхъ, ни изъ духовныхъ сущностей и на дѣлѣ вовсе не существуетъ, а только кажется существующимъ. Внѣшній міръ представляетъ собой какъ бы безпрерывную галлюцинацію человѣческихъ душъ, подъ которой нѣть никакой реальной подкладки: ни той духовной, о которой учитъ панпсихизмъ, ни той материальной, о которой говорятъ материализмъ и дуализмъ.

Идеализмъ и панпсихизмъ, оба виѣстъ, называются въ отличіе отъ дуализма монистическимъ спиритуализмомъ, потому что они допускаютъ только одинъ (μόνος) родъ сущностей, именно—только духовныя сущности.

Психофизический монизмъ предполагаетъ, что человѣкъ есть лишь одна сущность съ двумя сторонами—духовной и материальной. Материальная ея сторона неотдѣлма отъ духовной, и всякая перемѣна въ этой сущности отражается одновременно и въ тѣлесной, и въ духовной сторонѣ, при чёмъ эта сущность извѣдь кажется материальной, а изнутри духовной. Всѣми этими допущеніями психофизический монизмъ объясняетъ и разнородность душевныхъ явлений съ тѣлесными, и постоянную связь первыхъ съ послѣдними.

Итакъ, раньше психологія главнымъ образомъ заботилась о томъ, чтобы защищать одно изъ вышеуказанныхъ ученій противъ другихъ. И тогда ея предметъ и задачи соотвѣтствовали ея названію. Во второй же половинѣ XIX вѣка представители психологіи стали все чаще и чаще отказываться отъ рѣшенія вопроса о душѣ, такъ что хотя и сохранилось по привычкѣ название психологія, но предметомъ ея изслѣдованія стали только душевныя явленія, при чёмъ объясняются они ею не тѣмъ или другимъ предположеніемъ о томъ, есть ли душа или нѣть, и, если есть, то существуетъ ли рядомъ съ ней матерія, но одними лишь законами природы, которымъ подчинены душевныя явленія. Чтобы отмѣтить эту особенность современной психологіи, нѣкоторые изъ ея представителей называютъ ее *психологіей безъ души*, желая этимъ сказать вовсе не то, чтобы она отрицала существованіе души, но только то, что она не разматриваетъ вопроса о душѣ, а представляетъ его рѣшеніе другимъ философскимъ наукамъ.

Если же психологія рѣшила воздерживаться отъ всякоаго рѣшенія вопроса о душѣ, а заниматься лишь изученіемъ душевныхъ явлений, то психологія обязана такъ формулировать всѣ свои выводы, чтобы они были одинаково приемлемыми и одинаково обязательными какъ для материализма, такъ и для спиритуализма съ психофизическимъ монизмомъ. Вотъ такое-то ученіе о душевныхъ явленіяхъ и служить окончательной цѣлью современной психологіи.

При этомъ надо имѣть въ виду, что душевныя явленія изучаются современной психологіей съ такой же точки зрењія, съ какой естествознаніе изучаетъ явленія внѣшней природы. Поэтому современная психологія нерѣдко характеризуетъ себя еще, какъ естественную науку о душевныхъ явленіяхъ или какъ естественную исторію душевныхъ явленій. Это вотъ что значитъ: естествознаніе, изучая явленія внѣшней природы, старается только выслѣдить ихъ составъ, происхожденіе и управляющіе ими законы, а не задается

цѣлью оцѣнивать ихъ съ этической, эстетической и т. п. точекъ зрења. Напр., ботаника не рассматриваетъ растеній съ эстетической точки зрења; а физиология, говоря о половыхъ процессахъ, совершенно отвлекается отъ разсмотрѣнія ихъ этической стороны. Такъ же точно и психологія изучаетъ душевныя явленія, отвлекаясь отъ всѣхъ этихъ точекъ зрења, вполнѣ умѣстныхъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (например, въ этикѣ, эстетикѣ, педагогикѣ и т. п.). Она изучаетъ душевныя явленія безоцѣночнымъ образомъ, просто, какъ факты внутренней природы, независимо отъ того, заслуживаютъ ли они одобренія или порицанія со стороны моралиста, художника и т. д.

Здѣсь кстати указать для лучшаго поясненія только-что сказанаго, чѣмъ логика отличается отъ психологіи мышленія, которая тоже изучаетъ мышленіе, такъ что, повидимому, логику слѣдовало бы рассматривать какъ часть психологіи, именно, какъ психологію мышленія. Но психологія, будучи естественной исторіей душевныхъ явленій, изучаетъ мышленіе съ той же точки зрења, какъ и всѣ остальные душевныя явленія: явленія памяти, чувствованій, воли и т. д., т.-е. просто, какъ одинъ изъ фактовъ душевной жизни, безъ всякой оцѣнки его съ точки зрења его правильности или неправильности, какъ орудія для пріобрѣтенія знанія. Она только описываетъ явленія мышленія, разлагаетъ ихъ на составные элементы, выясняетъ законы, управляющіе вліяніемъ мышленія на другія душевныя явленія и его зависимостью отъ нихъ и т. п., но она не интересуется ни тѣмъ, каковы должны быть цѣлесообразные, т.-е. правильные пріемы мышленія, ни тѣмъ, въ чёмъ состоятъ ошибки при употребленіи этихъ пріемовъ и т. д., ни, вообще, какова роль мышленія въ развитіи знанія. Логика же, напротивъ, имѣть въ виду прежде всего *оценить*, насколько цѣлесообразны различные пріемы мышленія, т.-е. какіе изъ нихъ можно считать правильными, пригодными для расширенія знанія, а какіе ошибочными и т. д. Зато она вовсе не интересуется вышеуказанными вопросами о мышленіи.

Изучая одни лишь душевныя явленія и притомъ безоцѣночнымъ образомъ, современная психологія, конечно, должна имѣть въ виду слѣдующія задачи:

1—Прежде всего она старается выслѣдить до послѣднихъ предѣловъ *составъ каждого душевного явленія*. И если оно оказывается простымъ, неразложимымъ, то, конечно, ей приходится ограничиваться лишь указаніемъ его сходствъ и различій съ другими душевными явленіями. Если же данное душевное явленіе окажется сложнымъ, то, разумѣется, психологія должна выяснить, изъ какихъ именно элементарныхъ явленій составлено оно, какимъ путемъ постепенно складывается оно изъ нихъ, и какъ измѣняется его общий характеръ въ зависимости отъ видоизмѣненій этихъ элементарныхъ составныхъ частей и т. д.

2—Далѣе, къ изученію состава душевныхъ явленій и способа возникновенія сложныхъ явленій изъ простыхъ присоединяется *изученіе вліянія другъ на друга разныхъ душевныхъ явленій* (например, память на мышленіе, мышленія на память и волю и т. д.).

Рѣшеніе этихъ двухъ задачъ обыкновенно называютъ *общей психологіей*, хотя гораздо вѣрнѣе было бы называть ихъ *основной психологіей*, потому что эта часть психологіи лежитъ въ основе всей психологіи.

3—Общую, т.-е. основную, психологію надо отличать отъ *сравнительной психологіи*, раздѣляющейся на нѣсколько специальныхъ вѣтвей и изучающей тѣ особенности, которые встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же душевныхъ явленіяхъ, если ихъ рассматривать у разныхъ индивидуумовъ, хотя бы даже одного и того же возраста и пола (*индивидуальная психологія*), или у лицъ разнаго возраста (*психологія возрастовъ*) и разнаго пола (*психологія мужчины и женщины*), или же у разныхъ животныхъ (*зоопсихологія* или *психологія животныхъ*), или у душевнобольныхъ (*психопатологія*).

4—Отъ сравнительной психологіи нѣсколько отличается *коллективная психологія*, изучающая тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергаются душевные явленія у большей или меньшей группы лицъ оттого, что они соединились въ одно организованное или неорганизованное цѣлое (*психологія толпы, психологія классовъ и сословій, психологія народовъ* и т. п.). Ошибочно думать, будто бы ходъ душевныхъ явленій остается у людей, соединившихся въ организованную или неорганизованную массу, такимъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда они изолированы относительно другъ друга; въ массахъ, особенно въ тѣсно сплоченной толпѣ, въ душевныхъ явленіяхъ складываются такія особенности, которыхъ не было бы при другихъ условіяхъ. Такъ, толпа легко принимаетъ и исполняетъ такія рѣшенія, напримѣръ, совершаеть такія преступленія, предъ которыми всякий ея членъ ужасается, когда остается одинъ.

5—Къ общей, т.-е. основной, психологіи нѣкоторые авторы причисляютъ *психофизіологію* или *фізіологическую психологію*, хотя вѣрнѣе считать ее особой наукой, имѣющей для психологіи очень важное вспомогательное значеніе, но прямо къ ней не относящейся, наукой промежуточной между психологіей и фізіологіей. Состоитъ же она въ изученіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. При этомъ не лишнимъ будетъ слѣдующее замѣчаніе:

Употребляя терминъ „психофизіология“, надо избѣгать ошибочного смѣшения слѣдующихъ психологическихъ терминовъ, смѣшения, вызываемаго, главнымъ образомъ, ихъ сходствомъ, именно: „психофизіология“, „психофизика“ и „психометрія“. Это не синонимы, какъ иногда думаютъ, а совершенно различные термины. „Подъ „психофизикой“ подразумѣвается та часть психологіи (точнѣе сказать — психофизіологии), которая изучаетъ зависимость ощущеній отъ раздраженій, обусловливающихъ возникновеніе этихъ ощущеній.“

„Психометріей“ называется измѣреніе скоростей душевныхъ явленій, т.-е. измѣреніе промежутка времени, въ теченіе которого успѣваетъ протечь данное душевное явленіе.

Иногда даже считаютъ синонимами и выраженія: экспериментальная психологія, съ одной стороны, и психофизіология или фізіологическая психологія, съ другой. Въ дѣйствительности же подъ экспериментальной психологіей подразумѣвается разработка любого отдела психологіи посредствомъ экспериментированія, а не одной лишь психофизіологіей. Смѣшеніе же экспе-

риментальной психології съ физіологіческої было вызвано тѣмъ, что сперва примѣненiemъ экспериментированія къ изученію психології занимались одни лишь физіологи да врачи; и, разумѣется, они обращали свое вниманіе только на психофизіологические вопросы; и тогда экспериментальная психологія дѣйствительно была частью одной только физіологической психології. Но такое положеніе дѣлъ уже давно прошло; поэтому теперь уже стало ошибочнымъ отожествлять экспериментальную психологію съ физіологической. Въ настоящее время экспериментальная психологія составляетъ часть какъ чистой, такъ и физіологической психології; ибо экспериментированіемъ надъ душевными явленіями занимаются теперь не одни лишь врачи и физіологи, а также и психологи-философы.

Таковы задачи современной психології. Но не слѣдуетъ думать, что въ книгѣ, излагающей все ея содержаніе, насколько оно установилось въ наукѣ за послѣднее время, т.-е. въ курсахъ психології, должно быть и соотвѣтственное число отдѣловъ. Только что изложенный перечень есть перечень задачъ, а не отдѣловъ въ изложеніи психології. Многія изъ этихъ задачъ еще столь мало разработаны, что изъ нихъ еще нельзя составить особаго отдѣла при изложеніи систематического обзора содержанія современной психології. Поэтому обыкновенно при этомъ изложеніи поступаютъ такъ, что систематически излагаютъ лишь вопросы основной психології, попутно присоединяя наиболѣе прочныя положенія, относящіяся къ рѣшенію другихъ намѣченныхъ нами психологическихъ задачъ.

Теперь задачи современной психології достаточно ясны. Но, вотъ, по поводу нихъ возникаютъ два недоумѣнія.

1—Зачѣмъ, занимаясь психологіей безъ души, изучать не только составъ, взаимное влияніе и видоизмѣненія душевныхъ явленій въ зависимости отъ разныхъ условій, въ которыхъ находится душевная жизнь, но также и связь душевныхъ явленій съ тѣлесными? Другими словами, нужна ли для психології безъ души и психофизіология, хотя бы даже въ видѣ вспомогательной науки? Когда психологія хотѣла рѣшить вопросъ, есть ли душа и какова она, то она, конечно, нуждалась для рѣшенія этого вопроса въ точнѣйшемъ знаніи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными; но теперь-то зачѣмъ ей психофизіология?

2—Почему современная психологія отказалась быть ученіемъ о душѣ? Вѣдь такое ученіе было бы въ высшей степени важнымъ, даже гораздо важнѣе всѣхъ перечисленныхъ нами задачъ современной психології. Какъ же произошло, что она предпочла быть психологіей безъ души? Были ли для этого какія-нибудь важныя причины, и въ чемъ они состоятъ?

Сперва о пользѣ психофизіологии для психології. Съ первого взгляда, конечно, можетъ показаться, что психофизіология является совершенно лишнимъ, чисто механическимъ привѣскомъ къ психології, и что самое большее, ее слѣдуетъ считать наукой, хотя и смежной съ психологіей, но отнюдь не важной для психології. Однако, это невѣрно: психофизіология имѣть, во всякомъ случаѣ, важное вспомогательное значеніе. Дѣйствительно, если когда-

нибудь мы узнаемъ точнымъ образомъ связь душевныхъ явлений съ тѣлесными, то мы въ состояніи будемъ посредствомъ разсмотрѣнія физиологическихъ явлений пополнять наше знаніе душевныхъ явлений, рассматриваемыхъ со стороны ихъ состава и взаимнаго вліянія, и наоборотъ, посредствомъ изученія душевныхъ явлений пополнять наши физиологическія знанія. — Для поясненія этой возможности условимся прописными буквами обозначать физиологическія явленія, а соответственными строчными буквами связанныя съ ними душевныя явленія, такъ что физиологическому явленію *A* соответствуетъ душевное явленіе *a*, *B*—*b*, *C*—*c* и т. д. Допустимъ же теперь, что когда въ нашемъ тѣлѣ возникаетъ *A*, то оно вызываетъ рядъ другихъ физиологическихъ явлений *B*, *C* и *D*, и что каждое изъ нихъ какимъ-нибудь путемъ (посредствомъ особыхъ инструментовъ и т. п.) мы ясно подмѣщаемъ въ себѣ. Но допустимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что связанныя съ ними душевныя явленія остаются въ это время не вполнѣ замѣтными для насъ. Тогда мы все-таки можемъ навѣрное сказать, что они состоять изъ *a*, *b*, *c* и *d*, коль скоро намъ въ точности известна связь этихъ явлений съ тѣлесными. Такимъ образомъ, зная эту связь, мы по ходу и составу замѣтныхъ для насъ физиологическихъ явлений въ состояніи будемъ правильно судить о ходѣ и составѣ не вполнѣ замѣтныхъ душевныхъ явлений. Но, конечно, при достаточномъ изученіи связи душевныхъ явлений съ тѣлесными возможно будетъ судить и наоборотъ — по ходу и по разнымъ подробностямъ душевныхъ явлений о трудно уловимыхъ подробностяхъ физиологическихъ явлений. Такимъ образомъ, психофизиология или физиологическая психологія, составляя пограничную область между физиологіей и психологіей, обѣщаетъ содѣйствовать развитію и той, и другой науки, коль скоро сама достигнетъ достаточно высокаго уровня. Поэтому ею, какъ вспомогательной наукой, не должна пренебрегать ни психологія, ни физиология. Вотъ отчего многіе и причисляютъ ее прямо либо къ психологіи, либо къ физиологии; но она промежуточная между ними наука, имѣющая вспомогательное значеніе и для той, и для другой.

Теперь разсмотримъ, какъ произошло, что психологія изъ ученія о душѣ превратилась въ психологію безъ души. Эта перемѣна, происшедшая во второй половинѣ XIX вѣка, была обусловлена слѣдующими причинами: рано или поздно, она должна была бы произойти и сама собой изъ-за одной уже научной осмотрительности, а ея ускоренію содѣйствовало еще распространеніе вліянія критической теоріи познанія и позитивизма. Разъяснимъ все это подробнѣе.

Вопросъ о существованіи души, т.-е. самостоятельнаго духовнаго начала, возникъ болѣе 2000 лѣтъ назадъ, при чёмъ тотчасъ же на него были даны два противоположныхъ отвѣта; и съ той поры каждое изъ его решений безпрерывно все еще опровергаетъ другое и доказываетъ себя, но ни одно еще до сихъ поръ другого не опровергло, а себя еще не доказало. Одно уже это обстоятельство должно внушать мысль, что, чего доброго, этотъ вопросъ — навсегда неразрѣшимый, и что психологія полезнѣе отказаться отъ него, а ограничиться лишь изученіемъ душевныхъ явлений. Къ тому же, если даже